

ПЛЕЙЛИСТ

- Jovano Jovanke** – 17 Hippies
David Hicken – Incantation
Peter Buka – Lily
Lambchop – This Corrosion
Joe Hisaishi – Howl's Moving Castle
Secret Garden – Song From A Secret Garden
Кирилл Рихтер – In Memoriam
Scott Joplin – The Easy Winners
Indila – Dernière danse
Martin Jacoby – River Flows in You
Two Steps From Hell – Undefeated Instrumental
Jenifer Thomas – Believer
Дарья Виардо – Будь счастлив
С.В. Рахманинов – Прелюдия соль минор,
сочинение 23, №5
Gabriel Saban – Lust of Power

АНАТОЛИЙ МЕДВЕДЕВ

ДОЖДЬ ДЛЯ ДВОИХ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

Иллюстрация на обложку *Анны Афанасьевой*

Медведев, Анатолий Анатольевич.

М42 Дождь для двоих / Анатолий Медведев. – Москва : Эксмо, 2023. – 352 с.

ISBN 978-5-04-178039-5

Можно ли купить Любовь? И какова цена? Тинар и Эфья заключают магическую сделку с таинственным златокудрым юношей, потому что родители заставляют их вступить в династический брак, а они не только не любят, они ненавидят друг друга! Продавец ставит им одно странное условие – «не женитесь, пока не закончится дождь». Но Тинар и Эфья даже не подозревают, с кем связались и что однажды им придется отдать взамен...

*В начале книги есть музыкальный плей-лист, собранный автором специально для этой книги, отсканировав квар-код, его можно прослушать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178039-5

© Медведев А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

1 Кор. 13:4 – 8

Пролог

Когда у него в последний раз были гости? Кажется, уже год прошел. Старик отодвинул тяжелый засов и обомлел. На пороге стояла юная девушка в легком платье. Старик у на мгновение показалось, что он слышит ее сердце, а затем Герн почувствовал, будто кто-то незримый обнял его, и его переживания остались где-то далеко позади.

– Приветствую вас, заходите скорее, – засуетился старик, – что же вы выходите из дома в такую погоду! Это совсем не безопасно! Как вас зовут?

– Кайа, – тихо ответила девушка, заходя в затхлую комнату. – Я пришла к летописцу. Это вы?

– Да, это я. Меня зовут Герн. Хотите чаю? Только вскипятил воду, – торопливо говорил старик, стараясь быть гостеприимным. – Вы присаживайтесь, сейчас согрею, угощу, и узнаем, какое у вас ко мне дело.

Кайа присела и осмотрелась.

В комнате было много книг. Они лежали на столе, громоздились на стульях и подоконнике и даже на полу.

– Что это за книги, Герн?

– О, они – моя работа, – гордо сказал старик, – не только моя, конечно. До меня были и другие.

– Но что в них?

– История этого мира. Там есть всё, что когда-то происходило. Я, конечно, знать всего этого не могу... но неплохо ориентируюсь по алфавитному указателю. И у меня есть книги Пророков. Вот, смотрите, – старик подошел к своему столу, по дороге вручив госте чашку чая. – Это книга Тейна, эту, кажется, писал Наост, а эту отступник Джагерн... где же книга Иззен? А вот она, смотрите. Написана руками самих Пророков. Тут, кстати, есть и Священная книга Гирра, если интересно. Я так понимаю, список с оригинала, который когда-то составил легендарный герой Беонар. Здесь, правда, вырвана одна страница...

– Удивительно... Я даже предположить не могла, сколько у вас сокровищ, – сказала девушка, с любопытством рассматривая реликвии, – я столько хочу у вас узнать, прежде чем озвучу свою просьбу.

– Мне не жалко, спрашивайте.

– Это правда, что все летописцы встречались с Иуфином?

– Да, конечно! Но он очень не любит, когда его так называют. Предпочитает – Продавец Времени. Благодаря ему я и начал эту работу много лет назад. Вот уж кто действительно много знает.

— Я встречала его. Он не слишком разговорчив, — улыбнулась Кайа, — я еще хочу кое-что знать. — Все это вы пишете для него?

— Нет, конечно, нет, ему всё это не нужно... теперь я сомневаюсь, что это нужно хоть кому-то. Но прежде мы, те, кто вел записи, были уверены, что делаем это ради Истины, что бы это ни значило. Мы начали писать еще во времена Пророков, и вначале они направляли этот процесс, но однажды их не стало...

— Быть может, Пророки говорили вам, для чего был создан этот мир? Расскажите.

— Что же, теперь, наверное, это уже и не имеет значения, — тяжело вздохнул Герн и нехотя продолжил: — Когда-то, давным-давно в небесных чертогах был создан Наартумёграль, сосуд разума, океан душ... Вместе с ним — Хранители. Их было много, и каждый отвечал за что-то своё. Но однажды Хранитель Порядка обратился к темной стороне и решил сотворить свой мир, более правильный и упорядоченный, разрушив океан душ. Он сбросил в сосуд разума Хранителя Сострадание. Как сказано в книге Гирра, тонкие стенки сосуда дали трещину, и из них излился разум Основателя, создавший основу нашего мира. Другие Хранители же сошли с ума, только Любовь и Творец сохранили себя и смогли оформить материю в то, что мы видим сейчас, — Герн помолчал, сдерживая слезы, — об этом трудно говорить, потому что в это очень трудно поверить. Не хочется верить, что этот мир гибнет, так и не приблизившись к идеалу Наартумёграль.

— Спасибо. Простите, что расстроила вас. Но мне было важно это услышать.

– Ничего. Писать мне больше не придется, поэтому могу рассказать о чем-нибудь ещё.

Кайа поднялась и нетерпеливо прошла из стороны в сторону. Было заметно, что ей тяжело решиться и спросить о том, зачем она сюда пришла. Наконец она вернулась в кресло и сделала глубокий вдох.

– Расскажите мне историю Тинара и Эфы, – на одном дыхании произнесла она.

– О, об этом я могу говорить долго, – улыбнулся Герн, – я заварю еще чаю.

Глава 1 ТИНАР

Jovano Jovanke
17 Hippies

Сгущаясь в небе, темные дождевые облака, словно из кувшина, хотели разлить над вечерним городом мглу и прохладу. Судя по всему, приближалась большая гроза, а пока прохожих раздражала лишь морось, заставлявшая их надвигать капюшоны и морщиться от холода, если капли попадали за шиворот.

Сверху было хорошо видно, как гасли красные огни заводов, рабочие расходились по домам, а дворовые собаки прятались под крыши и навесы. Улицы торопливо пустели, только фонарщики суетливо бегали взад-вперед, наполняя город уютным желтым светом, рассеивавшимся в сером дождевом тумане, и солдаты в бесформенных серых плащах понуро патрулировали улицы. Один вдруг остановился, словно прислушиваясь, перевел винтовку в боевую готовность и отправился дальше.

Раздался громкий хлопок. Из высокого стрельчатого окна то и дело можно было наблюдать, как на улицах чинились всевозможные беспорядки. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из солдат не отдал свою жизнь за мир и спокойствие граждан Тейна. За первым выстрелом последовали новые, затем небольшой взрыв, слышались ругательства и призывы о помощи. Дождь постепенно усиливался.

— Живем как на войне, отец, не так ли? — тихо спросил подросток, сидевший на подоконнике, прислонившись лбом к холодному прозрачному стеклу. Голова чуть наклонена, взгляд серых глаз устремлен куда-то вдаль. Он был одет по последней моде, но неопрятно. Волосы растрепаны, верхняя пуговица рубашки не застегнута, мятый галстук и вовсе валялся на полу.

— Поводырь уже здесь, Тин, — словно не заметив его реплики, произнес мужчина. — Тебе нужно привести себя в порядок.

— Ну нет. Мы оба знаем, что из этого ничего не выйдет. Или думаешь, что я добровольно пойду на это? — подросток нагло взглянул на отца, а затем вновь стал всматриваться в происходящее за окном. Дождь усиливался, и оттого сквозь заплаканное стекло вряд ли можно было что-то увидеть.

Мужчина отошел в глубь комнаты и устало сел в кресло, ожидая, что еще скажет его сын. Могло показаться, что разговор окончен, но Тин заговорил вновь:

— Ты думаешь, мое место в поместье Инн, не так ли? По-твоему, выходит, я должен попивать вино, радоваться жизни и слушать занудную игру малышки Тон на клавишине?

– Тинар, у тебя...

– Знаешь, где мое место? – со злостью воскликнул Тин, вскочив с узкого подоконника. Не дав отцу ответить, подросток продолжил: – Мое место там, у подножия нашего замка, где каждый день погибают люди. Я должен вести солдат в бой, а я сижу тут, словно в зверинце!

– Это закон выживания. Твоя жизнь сейчас наиболее ценна для Тейна. Ты единственный прямой наследник. Я знаю, что для тебя родной город – не пустой звук, но чтобы им править, тебе придется отказаться от очень многого...

– Например, от Лины. Я это понял сразу, когда полгода назад ты мне намекнул о политически выгодном браке. И я совершенно не готов к этому. Я даже сказать ей об этом не смог... – Юноша грустно, чуть растерянно улыбнулся и украдкой взглянул на отца. – Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Приведи себя в порядок, – жестко ответил губернатор Тейна. – Поводырь ждет.

Тин еще раз взглянул в окно, где вновь было тихо. Несмотря на сумерки, он отлично видел темные красные пятна, расплывающиеся под каплями дождя. Юноша наклонился и ловко поднял мятый галстук, чтобы бросить его на кровать. Затем аккуратно застегнул рубашку, накинул светло-коричневое пальто, мокрой расческой убрал волосы и, довольный своим отражением в зеркале, направился к выходу. Его нарочитая небрежность служила ему и маской и броней, которые порой так необходимы пятнадцатилетним подросткам.

В длинных коридорах и на винтовых лестницах старого замка гулял сквозняк и было немногим теплее, чем на улице, поэтому Тин старательно кутался в пальто. Впрочем, вскоре он вошел в главный зал, который опутывали огромные трубы, словно древесные корни, наполненные горячим паром. Тогда он наконец-то согрелся и расправил плечи.

Все уже собрались, Тинар усмехнулся — ждали только его. Экспедиция была необычно мала — всего пятнадцать человек. Как правило, в Пыль уходят большими караванами, чтобы не возникло проблем с оплатой. Поводыри никогда не стеснялись больших цен на свои услуги. Но видимо, губернатор решил в этот раз не скупиться и покрыл большую часть стоимости перехода самостоятельно.

Поводырь тоже был здесь. Он сидел на огромном сундуке и сжимал в костлявых руках длинную узловатую палку. Одежанием ему служили несшитые, намотанные вокруг худого тела серые тряпки. На высоком лбу сидели бронзовые сати — очки, которые частенько используются на дирижаблях, чтобы не щуриться от ветра и безбоязненно смотреть на солнце. Но эти, похоже, были совершенно непрозрачны: вместо темных стекол в оправу были вставлены металлические пластины.

Но больше всего удивляло выражение лица Поводыря. Казалось, он был слеп, настолько бесцельно он глядел в одну точку. Кожа грубая, словно испещренная мелкими шрамами, особенно вокруг глаз. Узкие губы играли с огненной ньялой, тростинкой, обычно используемой в качестве приправы. Пережевывая ее, можно

было запросто обжечь язык и гортань. На его лице читалась какая-то пустота. Будто на сундуке сидел не живой человек, а заводная кукла, которая только и умеет, что переправлять людей через Пыль.

— Здесь все, — утвердительно сказал Поводырь. Затем он встал, тяжело опираясь на трость. — Пойдем.

Поводырь, словно не замечая никого, повернулся к выходу, затем остановился и спросил:

— Все сыты? — удостоверившись в утвердительном молчании, он повторил: — Пойдем, — и двинулся к дверям, подхватив одной рукой сундук, на котором до этого сидел.

По одному люди последовали за Поводырем, словно загипнотизированные лаконичностью его речи. Помимо губернатора и его сына в Пыль отправлялись семеро богатых иззенийских купцов, возвращающихся домой после больших и удачных закупок, оруженосец губернатора, два вооруженных до зубов телохранителя и трое слуг.

Процессия вышла на улицу и быстро раскрыла черные зонты. Тин поспешно застегнул пальто.

Дождь уже лил вовсю, барабаня по металлическим крышам и каменным тротуарам, бесшумно касаясь лиц и серых одеяний Поводыря. Лето выдалось на удивление мокрым и холодным, что, конечно, не добавляло Тинару хорошего настроения. Вместо мыслей о прогулках, интересных книгах, друзьях и девушках все чаще его занимала назревающая в Тейне гражданская война. И Пыль, которая с каждым годом все больше поглощала его город. Юного наследника перестали спрашивать, чего он хочет, и постоянно напоминали о том, что он

обязан делать. Только за время пути он несколько раз думал о побеге, но рука отца все время лежала на его плече.

Поводырь, словно машина, продолжал идти вперед, не обращая внимания ни на дождь, ни на темноту, выстукивая монотонный ритм узловатой палкой о неровный серый камень мостовой. «И зачем ему деньги? — подумал Тин. — Одевается как оборванец и работает без остановки, разве это жизнь? Чего добиваются эти странные люди в серых одеждах и почему берут за свои услуги так много денег? И почему у меня ощущение, будто он один сильнее всех собравшихся?

Дорога до вокзала не заняла много времени, вскоре караван стоял под навесом на станции и ждал прибытия состава. Пассажиров было немного, всюду сновали солдаты. Когда они проходили мимо, можно было услышать их тревожные, приглушенные разговоры. В основном солдаты говорили о нападениях, об объединении «Белая дюжина», которое подстрекало народ к революции, иногда мелькали хвастливые фразы об убитых или плененных мятежниках, но в любой реплике отчетливо чувствовался промозглый страх.

Состав, имеющий явно меньшее, чем обычно, количество вагонов, прибыл на станцию. Аккуратно пронумерованные вагоны стройно заняли свои места. Из открывшихся дверей вместо привычных проводниц вышли Черные шинели — «взвод с особыми обязанностями и привилегиями», как можно было прочитать о нем в книгах и газетах. Про этих солдат рассказывали всякое, но Тинар не придавал слухам большого значения. Среди его знакомых было несколько человек из этого подраз-

деления, и, на его взгляд, они отличались от остальной армии только цветом формы.

Поводырь стукнул палкой по вагону, окрашенному в серо-зеленый цвет, и жестом потребовал тишины, еще несколько раз повторив свое действие. Тинару показалось, что Поводырь чем-то недоволен, но тот жестом приказал всем следовать за собой. Ехать предстояло всю ночь, а утром отправляться в Пыль. Поводырь строго запретил расходиться до тех пор, пока он не выполнит свой заказ, а именно не доведет отряд из пятнадцати человек до Площади Правосудия в Иззене. Для Поводырей выполнение заказа первостепенно, и потому они очень обстоятельно подходят к делу.

Тинар первым зашел в вагон и быстро пристроился у окна. Он всегда хотел видеть, что будет впереди, всегда хотел узнать больше. К поездкам он привык с детства, поскольку частенько ездил с отцом и братом по владениям. Его отец считал, что общение с народом — это то, что позволяет не только править людьми, но и направлять их в нужное русло, чувствовать их потребности и боль. Губернатор не был многословен при встречах с ними и уж тем более никогда не вел прямого диалога, но всегда находил нужные слова, когда было тяжело. Но так трудно, как сейчас, еще не было никогда, и Тин это знал.

Еще каких-то двадцать лет назад, когда юный губернатор Недар только пришел к власти, женился на красавице принцессе из Наоста, Тейн был процветающим городом. словно дары с неба, текли в его объятия лучшие товары со всех стран и провинций, искусные Мастера почитали за честь проводить в нем время, наполняя своим искусством его улицы. Успех сопутствовал

тейнийской армии в военных походах, и трофеи в виде выгодных торговых соглашений не заставляли себя ждать. Недар был молод и силен, и часто бывало так, что, вернувшись победителем с той или иной битвы, он бесконечно пировал, а с приемов и балов сразу же отправлялся в бой. Он нечасто посещал родную землю и не каждый раз, когда бывал в стенах дворца, виделся со своими сыновьями.

Однако вскоре все переменялось. Получив тяжелое ранение, он был вынужден долгое время провести дома. Прикованный к постели, он, будучи человеком деятельным, принялся изучать внутренние дела страны. Спустя неделю он разжаловал всех своих советников, а некоторых из них заключил в тюрьму. Как выяснилось, в его родном Тейне не все так хорошо, как кажется. Всевозможные противоречия подтачивали его благополучие изнутри, как вода камень, и что самое главное — люди, которые находились у власти, знали об этом, но намеренно скрывали это от правителя, занятого военным делом. Народ устал платить высокие налоги на войны, дети росли без отцов, все больше ходило разговоров о том, что губернатор не справляется с той ответственностью, что была на него возложена.

Вскоре Недар встал с постели, но на поле боя уже не вернулся — он сильно хромал, и теперь его больше занимали городские дела, а не слава и трофеи. Он принялся, не жалея сил, проводить одну реформу за другой. Но недовольство лишь росло. Объяснить этого Недар не мог — налоги вновь стали приемлемы, войны прекратились, началась та самая мирная жизнь, которую так долго требовали горожане, а в итоге появилось

движение «Белая дюжина», готовое разорвать в клочья всю губернаторскую семью. За последние пять лет гражданская война подошла к воротам Великого Города слишком близко и уже стучалась в их массивные створы.

Долгое время губернатор пытался наладить переговоры со своими врагами, в ответ на что получал лишь новые взрывы и убийства. В итоге вся армия была мобилизована, были выставлены патрули, введен комендантский час. Любой, кто был заподозрен в заговоре, отправлялся в тюрьму, и, если его вина была доказана, он отправлялся на эшафот. В городе запахло смертью. За несколько лет могущественный Тейн превратился в набор безмолвных угрюмых стен.

Тинар помнил то время, когда все было в порядке. Он часто вспоминал улыбку матери, которую теперь редко можно было увидеть. А еще он никогда не забывал Агару, своего старшего брата.

Поезд тронулся, бутылка со знаменитым иззенийским вином качнулась и упала, окрасив белую скатерть в темно-бурый, почти черный цвет. Юный наследник никак не мог взять в толк, почему именно иззенийская принцесса должна была стать его супругой. Иззен, хоть и близкий, но далеко не самый выгодный для Тейна союзник. Не раз и не два армии этих городов сходились на поле боя, причем в последний раз армию Тейна возглавлял Недар Мотер в тот самый год, когда родился его сын Тинар. Иззен тогда потерпел поражение, но губернатор Тейна пошел на переговоры, и все, что он просил от правителей Иззена, — это беспощинную торговлю, выгодные поставки и, разумеется, частичное разоружение армии. Несмотря

на плачевное положение Тейна, большинство договоров сохраняли силу по сей день.

Иззен тоже нельзя было назвать процветающим городом. Уже много лет он был раздроблен на гильдии, каждая из которых тянула одеяло на себя. В борьбе гильдии не сумели сохранить суверенитет собственного города, и хотя Тин знал об Иззене немного, он был уверен, что не всем влиятельным людям в городе понравится этот брак.

Поезд набрал ход, и, оставляя за собой огромную полосу клубящегося черного дыма, мчался сквозь сырую летнюю ночь к границам Тейна. Губернатор читал завтрашнюю газету, чтобы с утра принять решение — выпускать ее в печать или же нет. Его охрана стояла у выходов, слуги сидели без дела и клевали носами в ожидании указаний. Торговцы что-то живо обсуждали, похоже, какую-то безделушку, которую купили в качестве сувенира, а Тинар продолжал смотреть в окно. Поводырь все это время сидел неподвижно, и казалось, что он спит с открытыми глазами. Его тело было напряжено, спина выглядела болезненно выпрямленной.

Все было спокойно до тех пор, пока окно, у которого сидел Тинар, с оглушительным звоном не разлетелось вдребезги. Повалив стол, в вагон впрыгнул человек в коричневой шинели. Он быстро направил пистолет на губернатора, мокрые пальцы неумело дернули предохранитель.

По лицу этого человека было видно, что он совсем молод, немногим старше Тина. Растрепанные волосы и грязные руки, старая и рваная одежда — он не из тех, кто может оплатить проезд. Прямой и честный взгляд буравил губернатора, который оторвался от газеты и те-

перь поверх нее внимательно рассматривал нападавшего. «Почему он не стреляет?» – пронеслось в голове у Тинара, лежащего щекой на мелких осколках.

Все это длилось лишь мгновение, затем нападавший тряпичной куклой упал на пол. Над ним возвышался Поводырь. Он без усилия взял труп длинными костлявыми пальцами за шею и одной рукой выкинул его в разбитое окно. Тело неестественно перегнулось через металлическую раму и осталось далеко позади. Тин резко поднялся и бросился к окну, но ничего не увидел, сумерки и туман уже скрыли тело мальчишки, лежащее где-то на обочине.

– Тинар, у тебя все лицо в крови, прикажи принести воды и умойся, – строго сказал губернатор и, нахмутив брови, снова уткнулся в газету.

Поводырь сел на место, словно ничего не случилось, и опять устался в одну точку. Его тело было вновь крайне напряжено, будто он пытался почувствовать абсолютно все, что находится рядом.

Вскоре слуги принесли чан с водой и зеркало. Иззенийский торговец услужливо предложил свою помощь. Тинар быстро умылся, и вместо устрашающих кровоподтеков на лице остались лишь маленькие царапинки.

– Страшно было, малец? – спросил торговец, имени которого Тинар не знал.

– Нет, просто неожиданно, – ответил наследник не задумываясь.

– А должно быть страшно, – миролюбиво усмехнулся иззениец и подал Тинару полотенце.

Наследник быстро передел рубашку, после чего пристроился к новому окну. Старое было наскоро зако-

лочено, и в крупные щели со свистом врвался ветер. Тин долго не мог заснуть, думая о случившемся. Он не увидел и тени сомнения на лице того парня, который собирался выстрелить в его отца. Ни малейшей жалости или понимания того, что он делает. Тинар не увидел и подобия страха в глазах губернатора, который только лишь поднял взгляд. И что самое главное, на покрытом шрамами лице Поводыря — тоже ничего. Оно не выражало никакой эмоции, будто он только что не человека в окно выбросил, а закинул уголь в печь. Было впечатление, что из всех присутствующих сохранил возможность чувствовать только он один. И Тин понятия не имел, хочет он быть таким же, как они, или нет.

* * *

Юный наследник проснулся на рассвете, в тот самый момент, когда поезд остановился и немногочисленные пассажиры, похватав багаж, выходили на залитую солнцем мокрую платформу. Выспаться не удалось, шея затекла, ноги не хотели слушаться. Но вскоре прохладный, влажный ветерок сдул с его лица последние признаки сонливости.

Поводырь вновь собрал всех вместе и повел от станции по тонкой тропинке в поле в сторону Пыли, оставив небольшое поселение предместий Тейна за спиной. Теперь, помимо пятнадцати человек, в процессии участвовало два мула, увешанных огромным количеством различных тюков и мешков. «Наверное, уже ждали на станции», — подумал Тин и больше не задавался этим вопросом. Сейчас его больше занимала Пыль. Он уже совершал подобные переходы, когда ездил в Наост к дя-

де, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что ему предстояло пережить теперь. От соседнего города, где родилась его мать, Тейн отделяла тонкая полоска Пыли, которая преодолевалась не более чем за два часа. Это были спокойные пыльные поля, через которые проложена хорошая ровная дорога. Поводыри за переход практически не брали денег, и некоторые люди дважды, а то и трижды ежедневно пересекали опасную местность. А теперь ему предстояло провести в Пыли около суток и прибыть в Иззен с первыми лучами солнца.

Вскоре Поводырь остановился и, поставив рядом свой сундук, уверенным движением открыл его. Его содержимым, как и всегда, оказались серые тряпки, такие же, как и одежда самого Поводыря.

– Одевайтесь, – негромко сказал он.

Слуги быстро замотали Тинара в серое рванье, а его коричневое пальто отправилось в сундук. В последнюю очередь замотали шею и голову, оставив щель для глаз. Удостоверившись, что открытых участков не осталось, слуги принялись одеваться сами. Торговцы, притихшие после инцидента в поезде, были разговорчивее обычного. Они суетливо перебегали с места на место, решая, как лучше защитить мулов и товар. Похоже, у них разгорелся нешуточный спор по этому вопросу.

Маленький караван отправлялся в Пыль. Тинару почему-то представилось стадо и пастух, который его ведет. Вскоре узловатая палка Поводыря перестала стучать по каменистой тропинке, лишь глухо уходила в плотный слой серой пыли под ногами. Солнечный и сырой день придавал пыльным пейзажам особенное уродство – мокрая серая масса покрывала траву, деревья и постройки.

ки. Тинар, как зачарованный, проходил мимо скучного, однообразного, но завораживающего мира.

Караван продвигался не торопясь, с той скоростью, с которой шел Поводырь. Вскоре ясное небо затянула серая пелена и перестали ощущаться сырость и прохлада. В Пыли не бывает ни жарко, ни холодно, не идут дождь и снег, и даже ветер не способен принести глоток свежего воздуха. Здесь всё одно – пыльно. Поднятая в воздух пыль от неаккуратных шагов неторопливо оседает на путниках и земле. Все, что есть в Пыли, – музей, скучный, словно учебник истории, и завораживающий, как гробница предков. Дома, стены, камни, деревья – все, съеденное Пылью, – было таким же, как и в момент смерти, словно стоит добавить красок, и оно оживет. Но стоило прикоснуться к чему-либо, и оно мгновенно рассыпалось серыми хлопьями.

Скоро идти стало тяжелее – пыль стояла в воздухе, отчего было трудно дышать, в горле першило, а ноги чуть ли не по колено утопали в серой массе. Правда, иногда удавалось выйти на более или менее пригодные для передвижения места, но не часто.

Тинар не сразу заметил, что их проводник надвинул свои непрозрачные очки на глаза и идет вслепую, однако уверенность в его мощных движениях не изменилась ни на йоту, и он даже не думал стучать перед собой палкой, прощупывая местность. «Он знает свое дело», – подумал Тин и продолжил смотреть по сторонам.

К вечеру молчаливая процессия вошла в древний лес, когда-то давно поглощенный Пылью. Стало заметно чище, и можно было даже разглядеть тусклые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь серые ветки и листья. Они

словно шептали Тинару: «Посмотри на то, чем мы стали, представь, какими сочными и живыми мы были». Поводырь остановился. Он молча стоял несколько минут, совершенно неподвижный и такой же серый, как и все вокруг него. «Будет смешно, если он просто заснул», — пронеслось в голове у Тинара, и, словно в ответ на его мысли, Поводырь повернулся к каравану и сказал:

— Пора спать. Спим час, затем выдвигаемся вновь, — и он снова замер.

Слуги засуетились, раскладывая толстые ковры и одеяла, торговцы же просто закутывались в огромные плащи и укладывались в них на землю. Тинару не слишком хотелось спать. Глядя в темную серую листву, он думал о том, что навсегда потерял возможность жениться на любимой девушке, что едет в город, где уже все подготовлено к этой проклятой свадьбе. Он думал об иззенийской принцессе, которую никогда не видел, хотя и неплохо знал ее младшую сестру Тон. Когда-то они вместе учились в музыкальной школе Тейна, однако Тинар быстро бросил игру на фортепьяно за неимением результатов, в то время как у этой малявки получалось очень неплохо. Эфья, его будущая жена, была ему ровесницей, и он был заинтригован предстоящей встречей. В душе, конечно, он представлял себе эту сцену в самых радужных тонах: он приезжает в поместье Инн, к нему выходит красавица в роскошном платье, легкая в общении, скромная и, конечно, приходящая в восторг от одной мысли, что будет вместе с Тинаром управлять двумя огромными городами. Периодически мысли Тинара возвращались к реальному положению дел, и он понимал, что, скорее всего, так не получится.

— Подъем, — громко и безучастно произнес Поводырь и лишь немного изменил застывшую позу.

Тинар, так и не заснувший, поднялся и огляделся. Серый лес, как и час назад, все так же нависал над ними, караван отправлялся дальше. Ни о какой дороге речи не шло с самого начала пути, и откуда только Поводырь знал, куда идти, это было известно только ему одному. Несколько раз Тинар чувствовал, что Поводырь смотрит на него. Нет, даже не смотрит, чувствует его. Это случалось в те моменты, когда Тинар отвлекался от дороги на один из пыльных артефактов вроде древнего указателя или колодца. Юноша никогда не испытывал такого странного влечения прикоснуться к чему бы то ни было, заглянуть внутрь, прочитать надпись или просто изучить то, что нашел, и с каждым шагом он хотел этого все больше. Но Поводырь следил за ним, ощущал это желание, и юный наследник не отходил от каравана.

Так прошел еще один час дороги, затем еще час сна. Караван двигался к своей цели медленно, но уверенно. Иззенийцы вновь начали весело разговаривать между собой, когда Поводырь объявил о последней остановке и снова превратился в неподвижную статую. Сперва Тинар лег, но, поскольку его сердце стучало слишком быстро от желания прикоснуться к миру Пыли, почувствовать его запах и вкус, познакомиться с ним поближе, без постоянного присмотра, он так и не погрузился в спасительный сон. Каждая частичка его сознания была погружена в размышления о том, где он находится, что за место много лет назад было поглощено Пылью. Очевидно, это был монастырь какого-то божества, ныне забытого. Кто будет верить в того, что не способен про-

тивостоять природе собственного мира? Мощные стены были изъедены ветрами Пыли: их избороздили глубокие морщины разрушений. Ворота давно обвалились, а знак старинного божества, что представлял собой асимметричную четырехконечную звезду, наполовину осыпался и читался с трудом. Тинар поднялся и сделал первый шаг. Нога с трудом нащупала опору под толстым слоем серого вещества, расступившегося под ней, словно вода. Тинар сделал второй шаг и утонул в пыли по колена, но нога вновь ощутила под собой что-то твердое. Юноша с трудом шагал дальше и дальше, пока не выбрался вновь на небольшой островок, с которого ветер раскидал текучую пыль в стороны, оставив возможность для путника наступить. Наследнику Тейна открылось кладбище. Перед ним лежали люди, укутанные в тряпье. А среди них стоял Поводырь, неподвижный в своем сне, как и тот, что привел Тинара сюда. Но в этих людях не было жизни, все они давно превратились в Пыль. Тинар с трудом ловил ртом воздух, его сердце забилося быстрее. Подавив приступ паники, юноша огляделся и обнаружил, что прямо у его ног лежит один из безвременно сгинувших в этом проклятом месте.

Несчастный безучастно глядел в небо серыми матовыми зрачками. Одеяло, которым он был укрыт, уже рассыпалось, рядом лежал бесцветный вещевого мешок. Возникло ощущение, что Пыль только припорошила спящего, будто он лишь вчера оказался здесь, настолько безмятежно и спокойно выглядела его бесцветная улыбка. Тинар протянул руку, чтобы прикоснуться к лицу, стряхнуть серый пепел с высокого лба, но вдруг почувствовал, как кто-то схватил его за шею, и он потерял всякую возможность

двигаться. А затем этот кто-то, словно пушинку, поднял Тина и поставил в двух шагах от сгинувшего.

— Все, что в Пыли, — Пыль, — сказал Поводырь и сдвинул бронзовые очки на лоб. — И это первое, что нужно помнить, приходя сюда. Ты почти заплутал в Пыли, мальчик. Если посмотришь вокруг — ни лагеря, ни отца ты не увидишь.

— Где они? Почему вы здесь?

— Они там, где ты оставил их, и спят. Помни, Пыль обманчива — ты их не видишь, потому что даже смотришь, по сути, не туда. Пыль обманчива, и ты был близок к тому, чтобы стать ею навсегда. Нужно помолиться, прежде чем мы уйдем, чтобы эти люди обрели здесь покой. Пыль безжалостна ко всем и милосердна к единицам. И пусть будет милосердна к нам.

Тинар недоумевал — за последние пять минут Поводырь рассказал во много раз больше, чем за все путешествие. Он закрыл лицо ладонями и молился. «Пусть Пыль будет милосердна к нам...» Слова едва угадывались за шевелением губ. Тинар последовал его примеру и постарался повторить за Поводырем слова, смысл которых улавливал с трудом. Этих молитв он ранее не слышал, и понять, к кому обращался Поводырь, ему не представлялось возможным.

— Пусть Пыль будет милосердна к нам, — бормотал Тинар, так и не сумевший заснуть в этот час.

С утра поднялся небольшой ветер, и повсюду летали ошметки пыли, так и норовящие залететь в глаза и рот, солнце на небе казалось тусклым желтоватым кругом. Поводырь не торопил и не указывал, просто стал двигаться быстрее. Вскоре перед путниками открылось по-

ле, едва тронутое Пылью. Запахло сыростью и травой, полевыми цветами. Стало прохладно, и утренний ветер позднего лета принес уверенность в том, что мир еще существует.

Тин хотел приоткрыть лицо и потянул за серые тряпки, которые просто осыпались в его руках пылью. Поводырь обернулся и посмотрел на него невидящим взглядом.

– Снимайте тряпье, – бросил он и сел на свой сундук.

То рванье, в которое они были замотаны, наполовину превратилось в пыль и расползлось трухлявыми лоскутами. Оставшиеся тряпки Поводырь аккуратно отряхнул и сложил в сундук, после чего вернул предварительно вынутые вещи их хозяевам. Вдалеке уже можно было различить железнодорожную станцию, был слышен стук колес и видны клубы дыма.

– Как раз вовремя, – сказал губернатор.

– Идем, – ответил Поводырь коротко и вновь застучал палкой, направляясь в сторону станции.

– Доброго вам дня, господин Поводырь и господин Мотер! – послышался голос одного из торговцев. Он и его товарищи должны были продолжить путешествие самостоятельно и теперь занимались подготовкой.

– И вам доброго дня, господин Иатт. Надеюсь, вы ещё не раз посетите наш город.

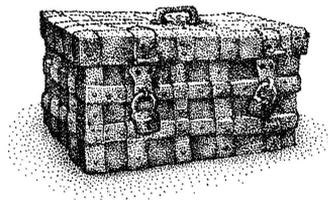
– Непременно, господин губернатор, ваше гостеприимство не знает границ, – поклонился Иатт и принялся подгонять своих людей.

Тинар какое-то время размышлял о своих спутниках. Они показались ему немного странными, очень дисциплинированными, строгими. Но эти мысли надолго не

задержались в его голове, вновь уступив место принцессе Инн.

К станции подошли, несколько запыхавшись, – Поводырь шел быстро. Паровоз стоял у перрона и натужно пыхтел, выплевывая обрывки дыма в ясное небо. Представители семьи Инн вовсю суетились возле специального вагона, приготовленного для важных гостей.

До Иззена оставалось несколько часов пути в компании молчаливого губернатора, практически немых телохранителей, Поводыря, который без надобности слова не скажет, и троих слуг, без приказа не открывающих рта. В этой ситуации Тинар решил просто поспать несколько часов. Белый город с принцессой ждал его.

Глава 2 ЭФЬЯ

Peter Buka
Lily

Солнце после нескольких пасмурных дней предательски резало глаза, и Эфья для прогулки с матерью по зеленой части города выбрала модные очки с затемненными стеклами. Она считала, что выглядит в них старше своих лет, и надевала по каждому поводу. Когда-то их подарил ей отец.

Эфья не относилась к девушкам, которые любят политику и административные дела, однако однозначно имела к этому способности. Разговор, который все никак не завязывался, был как раз из этой области. Гуляя между белых стен и аккуратно остриженных зеленых кустов, мать и дочь уже обсудили погоду, моду, парней и многое другое.

— Кстати, Эф, помнишь, я недавно посоветовала тебе прочитать пьесу «Назначенный час»? — натянуто спросила Анина, озираясь, словно в поиске новых тем для разговора.

— Да. Весьма посредственно. Ты, собственно, к чему?

— Просто совсем скоро ее можно будет увидеть на открытии первого кинотеатра в Иззене. Думаю, нам стоит непременно посетить его.

Эфья тоже не сильно хотела переходить к более важным вопросам, поэтому поддержала разговор, хоть и с явной холодностью.

— Мне больше по душе «Запрягай коней» авторства Конри Блента. Хотя название он выбрал странное.

— О, название здесь связано со старинной поговоркой, которая дословно звучит так: «Запрягай коней, пока все спокойно». Это относится к старым временам, когда каждый, кто имел банду и лошадь, уже был лордом.

Эфья посмотрела на мать, которая продолжала оттягивать неприятный разговор, и Анина прервала свою речь. Сейчас они обе хотели оставить это солнечное утро безмятежным, но понимали, что не выйдут. Это делало их похожими друг на друга, что обычно совсем незаметно.

Мать Эфьи олицетворяла воплощенную женственность — грациозные движения, идеальная фигура. Анина была плохим политиком, но интуиция ее никогда не подводила, и, в сущности, она понимала, что воспитание послушной жены для знатного джентльмена не позволит ей долго управлять городом. Ее муж умер год назад от неизвестной болезни. Врачи то и дело говорили о заражении крови, но вылечить его так и не смогли. С тех пор Анина Инн изменилась, но правителем стать не могла, так как была не глупа и трезво оценивала собственные возможности.

Что до Эфьи, то она была угловатой и не слишком общительной девушкой с чисто мальчишескими увле-

чениями. У нее было худое симпатичное лицо, но холодный блеск глаз отваживал многих ухажеров. Впрочем, молодой человек у Эфьи все же был, и девушка имела на него весьма серьезные планы. Эфья любила поболтать с матерью о чем-то бессмысленном, но о таких вещах пока предпочитала молчать. Хорошая погода не располагала к неприятным разговорам, но кто-то должен был начать, и это сделала Эфья.

— Ты говорила, у тебя есть ко мне разговор. Не думаю, что ты имела в виду спектакль, кино, пьесу или мое слишком короткое платье, — Эфья остановилась и посмотрела на мягкое лицо матери.

— Да, ты правильно думаешь. Поговорим, как нам лучше поступить. Есть ряд решений, которые необходимо принять, и мне важно, чтобы эти решения не были приняты у тебя за спиной, милая, — Анина произносила отрепетированную накануне речь, как драматическая актриса, что немало раздражало Эфью.

— Хм. Речь пойдет о том, что нам предстоит менять политику, так ведь? Поэтому ты хочешь найти подходящего наследника, сыграть нашу свадьбу и отойти от дел.

— В целом ты все верно понимаешь, но я говорю не совсем об этом. У нас появились партнеры в этом деле, и мне кажется, что мы могли бы неплохо выиграть от сотрудничества с ними, — Анина посмотрела в сторону, словно немного стеснялась того, что говорит.

— И? Не тяни.

— Я имею в виду Тейн. Договоры с ними можно будет пересмотреть, в то время как они получают нашу военную поддержку. Но я полагаю, что они хотят вмешаться во внутреннюю политику города, хотя и не уверена в этом.

— Это наглость с их стороны. Тейн в упадке, они не могут диктовать нам условия, — возмутилась Эфья.

— Да, ты права. Но они не указывают, а предлагают. Я уже полгода веду диалог с Недаром Мотером, губернатором Тейна.

— Я знаю, кто он, — раздраженно произнесла Эфья. — Но ведь ты не думаешь, что можно вот так просто взять и забыть, как его войска вошли в наш город?

— Не перебивай, моя дорогая, дослушай. Многие знают, что у него есть сын, которого он воспитывал как военного, как солдата, — она сделала паузу, — но после того, как его первый сын, наследник Тейна, погиб от руки террориста, наследником стал Тинар Мотер. Губернатор предложил заключить между вами брак. Вначале мне казалось, что он бредит. Я хорошо помню, как он захватывал Иззен, и думать не думала, что возможен хоть какой-то диалог в этом ключе, но со временем я поняла, что это необходимо.

— И почему же нам это так нужно? Жили без этих узурпаторов и проживем дальше.

— Ты слишком агрессивна. Не нужно думать, что они звери. С их помощью мы сможем решить многие проблемы. Во-первых, торговля между нашими городами превратится в выгодное дело, без пошлин и постоянных конфликтов, поскольку ими будет управлять один человек, в интересах обоих городов. Во-вторых, мы сможем приструнить гильдии, которые из-за финансовых амбиций забыли о своем месте в мире и о том, что к власти они более отношения не имеют. В-третьих, я буду уверена, что у тебя надежный муж, который сможет защитить тебя и страну.

– Ты не учитываешь тот факт, что он просто едет управлять Иззеном, так как его отец еще в силе и долгое время сможет сам справляться с делами. Так что они просто пытаются вернуть контроль над Иззеном, который стал ослабевать вместе с упадком их города.

– С одной стороны, да. Но хорошая жена всегда знает, что хорошо для ее мужа, разве не так? Манипулировать мужчинами проще, чем кажется, особенно военными. Поэтому, заключив этот брак, мы получим контроль над будущим Тейна. Да, какое-то время придется потерпеть, но позже он даже не будет слушать твоих мягких советов, он просто будет уверен, что сам принял все решения, к которым ты его подтолкнула.

«Ну да, как же! Могу поспорить, ты вполне можешь сделать то, о чем говоришь, но получится ли у меня? Я не такая красивая и уж тем более не так умело общаюсь с мужчинами, как ты...» – подумала Эфья, после чего откашлялась и сказала:

– Конечно, ты права. Мне кажется, что у меня получится. Правда, я думала, что нашла достойного претендента.

– Увы, с этим придется покончить, – довольно жестко заметила Анина. – Я предполагала, что у тебя кто-то есть, но не была уверена.

– Хорошо. Я сделаю это.

«Нужно было говорить об этом раньше, теперь это не имеет значения», – печально осмыслила Эфья свой ответ.

– Вот и славно, милая. Пойдем домой, с этой сыростью можно бороться только у камина с чашкой глинтвейна.

Эфья неожиданно остановилась, требуя внимания матери, и та обернулась.

— Но почему мы должны идти на уступки именно сейчас? Да пусть их Пыль поглотит, мы сейчас сильнее и готовы идти в наступление! Их можно положить на обе лопатки, и я уж тогда наверняка смогу выяснить, кто убил моего отца!

— Эфья, его никто не убивал. Ни о какой войне с Тейном и речи быть не может, забудь об этом. Если Недар не идет в наступление, это не значит, что он не может защититься. А в нашем распоряжении нет ни одного полководца, способного дать ему бой, даже имея превосходство в силе. А если он предлагает переговоры, это не значит, что мы будем от этого в проигрыше.

— О да, великий Мотер! Со времен Короля-Мангуста Мотеры не терпели поражений, кроме тех, что заводили противника в умело расставленные ловушки. Мы все это знаем из учебников.

— Да. А я знаю его лично. И чего он точно не делал, так это не подсылал убийц к моему мужу и твоему отцу, поверь мне. Мало того, что ему это невыгодно, он человек чести, и я не знаю ни одного случая, чтобы он нарушил данное им слово.

— В наше время «честь» — понятие, основательно подзабытое, — упрямо продолжила гнуть свое Эфья. — Я, например, уверена, что Тейн приложил руку к смерти папы.

— Не носи чепухи. Это было даже не убийство, а ты уже нашла виновных.

— А я считаю...

— Да, я знаю твое мнение по этому вопросу. А еще ты обычно говоришь про какого-то таинственного слугу, который якобы ушел из поместья сразу после похорон.

— Я знаю, о чем говорю. И когда я найду этого человека и его заказчика, они будут казнены.

— Хватит. Остановись, — строго прервала ее Анина. — Сейчас ты должна понять одно — твои домыслы не имеют никакого значения. Есть то, что пойдет на благо Иззену, и твой долг сделать всё возможное для его процветания.

Эфья нахмурилась и кивнула. Анина подозревала, что не все пройдет гладко, с принцессой всегда было просто поладить. Выполнит ли она просьбу? Или решит действовать по своему усмотрению? Вопросы оставались открытыми.

* * *

Холодное лето всем в Иззене порядком надоело, все праздники, которые праздновались в это время, были скучны, и люди в городе уже начинали готовиться к такой же холодной и мокрой осени. Течение времени превратилось в набор одинаково дождливых дней, и потому сейчас, когда выглянуло солнышко, многие искренне улыбались каждому, кого встретят на улице. Владельцы ресторанов и кафе выставили столики на улицы в надежде на продолжение теплых дней, горожане с удовольствием гуляли в парках и аллеях белокаменного города.

И, несмотря на все, *этот* человек, приехавший в город, казался ярким пятном на сером фоне. Вряд ли кто-то точно мог сказать, кто перед ним, но то ощущение силы, что исходило от него, никак не сочеталось с юношеской внешностью, кудрявыми каштановыми волосами и повозкой, которую тащил за собой старенький ослик.

Сказать, что он был красив, — значит, погрешить против истины, поскольку его красота не шла в сравнение ни с чем, что люди могли увидеть друг в друге. Он был серьезен и солиден для тех женщин, кто искал мужа, наивно романтичен для пятнадцатилетних девочек, стыдливо глядящих на него из окон, а для ностальгирующих пожилых дам был тем самым мужчиной, которого они любили когда-то в юности.

В повозке за его спиной лежал огромный ворох цветов, и он с непринужденной легкостью дарил их женщинам на улицах. Он декламировал стихи о любви и пел песни под гитару, продвигаясь на повозке по широким и свободным дорогам. На его плечи был небрежно накинут ветхий плащ, который был соткан из множества разноцветных лоскутов. Весь в заплатках, одна поверх другой, пришитых ровными аккуратными стежками. Похоже, юноша радовался каждому лучу солнца, играющему на его лице. Вскоре он остановился у небольшого дома с огромными окнами. Зимой этот дом всегда пустовал, а летом в нем иногда гостил странный улыбчивый старикан. Кудрявый юноша под восторженное перешептывание двух престелниц, которых он уже одарил цветами, деликатно постучался в дверь. Ожидание заняло какое-то время, затем дверь открылась, и юношу буквально втащили внутрь.

В здании было так же сыро, как и на улице. Все было заставлено картинами разной величины, было много резных рам, всюду виднелись следы краски. Кто угодно сказал бы, что здесь живет художник, причем, скорее всего, не один. Пахло растворителями и лаками.

Старикан обнял юношу, как родного сына, и прижал к себе. Он был совершенно седым, и на его лице застыла восторженная улыбка ребенка, увидевшего радугу.

– Ну, здравствуй, старина, – сказал он, разжав объятья. – Как ты?

– Неплохо, друг мой, – ответил юноша.

– Я смотрю, ты только молодеешь, в твоём-то возрасте!

– Работа такая. Что, впрочем, не меняет порядка вещей. Кстати, про работу. Думаю, я остановлюсь в этом городе на какое-то время.

– О, это замечательно! Будем по утрам пить кофе, а на закате ходить на пленэр. Остановишься у меня? – весело спросил хозяин.

– Нет. Я... я думаю, что лучше пока побуду у себя в телеге.

– Обижаешь, я уже...

– Нет. Я пришел не за тем, чтобы отдыхать. И у меня есть для тебя заказ, поэтому тебе тоже придется поработать.

– За твоим товаром уже пришли? – встревоженно спросил старик.

– Нет, не совсем. Здесь дело обстоит сложнее, чем обычно. И я предпочитаю подготовиться заранее.

* * *

Эфья сидела на небольшом пирсе, уходящем в аккуратный пруд, край которого был выложен гладкими морскими камнями. Босые ноги девушки едва касались поверхности темной воды, и она расходилась кругами

от этих изящных прикосновений, легкие туфли стояли рядом. День выдался непростым, сразу после не слишком приятного разговора с матерью ее ждали занятия по стрельбе, на которых она настояла, хотя родители и были против. Остаток дня она провела за экономикой, пытаясь понять, что сейчас происходит в Иззене. В пятнадцать лет ее, конечно, интересовало совсем не это, но так была устроена жизнь, и ей приходилось тратить время на государственные вопросы.

Иззен был непростым городом. Когда-то он вырос из нескольких поселений, что отразилось на политическом устройстве. Многие века в городе Белой Пророчицы власть принадлежала нескольким семьям, которые затем выросли в гильдии. Всё это создавало большую неустойчивость, и гильдия Инн сумела убедить остальных в необходимости реформ, став сначала правящей гильдией, а затем и правящей семьей с передачей власти по крови. Но гильдейские структуры в городе остались и по-прежнему имели немалые амбиции. Продолжать изучать все эти хитросплетения принцесса решила уже завтра.

Сейчас, когда солнце село за горизонт, Эфья хотела завершить сегодняшние дела и отправиться спать и потому ждала последней встречи. Она не сказала матери, что выполнит ее просьбу сегодня же, но была уверена – чем скорее она разберется с этой проблемой, тем будет лучше.

Вскоре она услышала тихие шаги по каменной дорожке, ведущей в глубь сада. Они часто встречались подобным образом – он перелезал через ограду, охранники, по приказу Эфьи, его не трогали, после чего они обычно сидели здесь, у пруда, целовались и разговаривали. Он был

старше ее на два года, высокий, широкоплечий, статный. Но, что самое главное, характером он был слабее Эфы, и когда она принимала строгий и серьезный вид, он терялся, не зная, что говорить. Юная наследница вертела им, как хотела, и, хотя это нельзя было сравнить с тем, как манипулировала мужчинами ее мать, конечная цель в итоге была достигнута — он был полностью в ее власти.

— Привет, Доран.

— Здравствуй, Эф. — Молодой человек ловко присел рядом и тихонько поцеловал ее в щеку. Он всегда чувствовал, в каком она была настроении, и знал, как нужно подойти, чтобы не вывести свою возлюбленную из хрупкого душевного равновесия. Собственно, именно эта черта так привлекала Эфью — ей не приходилось лишний раз раздражаться и терять над собой контроль.

— Как дела, разобрался с отцовскими долгами?

— Да, сегодня уговорил гильдию Унн замять это дело. Конечно, поместьем официально управляю не я, но думаю, что вскоре отец совсем потеряет к этому интерес. Его теперь интересует только бутылка, а мать, в общем-то, всецело полагается в делах на меня. Думаю, скоро смогу возродить богатство своей семьи, дождливое лето принесло хороший урожай черного винограда, возможно, получится сделать неплохие заготовки вина. Есть некоторые договоренности с купцами, во многих частях света черное вино большая редкость, и можно хорошо заработать.

Эфья не ответила. Она продолжала болтать ногами, едва касаясь воды. Где-то запела лягушка, издавая протяжное кваканье, Эфья с Дораном прыснули.

— Всю романтику испортила, проклятая лягушка, — в шутку выругался Доран.

— Это еще что, думаю, вечер будет не слишком романтичен, — заметила юная девушка и немного отклонилась назад.

— Нет настроения?

— Совершенно. И, боюсь, скоро я испорчу его и тебе.

— Да ну. Я не могу поверить, что ты сделаешь это. Спорим — один поцелуй, и все пройдет, — он потянулся к ее губам, но Эфья отстранилась и аккуратно отодвинулась в сторону.

— В чем дело? — в голосе Дорана слышалось недоумение.

— Дело в том, что у меня свадьба, причем довольно скоро. Я выхожу замуж за Тинара Мотера.

— Хватит меня разыгрывать, — весело произнес Доран, — ты же не серьезно? Такие дела не решаются вот так вот...

— Как — «так»?

— Эф, милая. Если держишь на меня обиду, лучше скажи прямо, зачем эти недомолвки и...

— Нет. Я серьезно. Никаких шуток. Ты — лучший из всех парней, которых я знала, и мои чувства к тебе не были фальшивыми. Но, помимо моих желаний, у меня есть мой долг, который обязывает меня исполнить волю матери. Ты здесь ни при чем, просто брак с тобой не поможет Иззену справиться с теми бедами, которые в нем творятся. Ты даже не представляешь себе, насколько все плохо. Все висит на одном-единственном волоске, и этот брак может помочь в заключении договоров, и... Доран, нам нельзя больше видеться.

— Но...

— Если ты думаешь, что мне будет легче, чем тебе, — ты не прав.

— То есть ты хочешь сказать, что готова выйти за совершенно незнакомого тебе человека только потому, что это как-то поможет нашему городу? Но ведь мы...

— Больше нет никаких «нас», и тебе нужно это понять. Прощай.

Эфья поднялась и хотела направиться к дому, но Доран взял ее за руку и притянул к себе, обняв за талию.

— Это глупо, — заметила Эфья бесстрастно. — Отпусти меня.

— Я не хочу тебя отпускать. Мне необходимо знать, почему ты так поступаешь. Я не верю, что ты готова предать нашу любовь из-за какой-то политики.

Где-то вдалеке еще раз громко и протяжно квакнула лягушка, ветер неожиданно налетел на них и растрепал волосы Эфьи, завязанные в слабый хвостик.

— Я сказала то, что сказала, и не собираюсь повторять. Если ты не отпустишь меня, я позову охрану. Пожалуйста, До, не нужно доводить до ссоры. Мы можем остаться хорошими друзьями, тебе совсем не нужен такой враг, как я.

— Эф... — он отпустил руку, и Эфья отправилась в дом, не дожидаясь, когда он уйдет в глубину сада. Доран долго стоял на пирсе, вглядываясь в знакомое окно, но Эфья в нем так и не появилась: ни через час, ни через два. Отчаявшись и окончательно замерзнув в своей легкой одежде, он отправился домой, проклиная про себя Иззен, его проблемы, Тинара Мотера и особенно себя за то, что не нашел нужных слов. Он был настолько потерян и не знал, что делать, что дважды по дороге сворачивал не в ту сторону, несколько раз спотыкался и падал, а домой пришел только под утро, к ужасу своей матери, пьяным

и, уткнувшись головой в подушку, погрузился в глубокий сон.

Эфья долго не могла заснуть и бродила по дому. Она чувствовала странные вещи — находясь в крайнем замешательстве, девушка понимала, что поступила правильно, хотя лучше ей не становилось. В итоге уже ближе к утру она рухнула на кровать и погрузилась в вязкий, тягучий и не приносящий отдохновения сон.

* * *

Наместница Иззена, госпожа Инн, пребывала в задумчивости. Если говорить о том, что ее сейчас занимало больше всего, то, безусловно, это было душевное состояние старшей дочери, которая последние три дня хандрит и напоминает бледную тень. Но, помимо этих печальных мыслей, она отчаянно пыталась руководить толпой слуг, которые чистили, мыли, перетаскивали, готовили, красили, а также разбивали, пачкали и грязно ругались. «Они не способны ни на что», — думала Анина, понимая, что к вечеру все должно быть в лучшем виде.

Несколько раз за последнее время, уже после того злополучного разговора, Эфья хотела о чем-то поговорить с матерью, но каждый раз бросала это занятие, и Анина понимала, что беспокоит наследницу. Конечно, ей нужно было обсудить с матерью, что такое замужняя жизнь и как себя вести в новом качестве. И принцессе было дано исключительно мало времени на осознание этих вещей.

— Мам! — к Анине незаметно подкралась ее младшая, Тон и страшно напугала.

– Сколько раз тебе говорить, что так делать неприлично! – воскликнула Анина, после чего умильно провела рукой по волосам своей маленькой копии.

– Эф-Эф хочет с тобой говорить. Мам, а можно мне сегодня не заниматься, сегодня такое солнышко!

– Если Эфья хочет поговорить, пусть вылезает из своего логова и приходит сюда. Я слишком занята приготовлениями к встрече ее будущего мужа, так что пусть присоединяется. А ты можешь погулять, если еще раз отрепетируешь «Танец в тени» на обе руки.

– Гулять, гулять!

– Только после репетиции! И позови сюда Эфью, – Анина повернулась и поправила пышные волосы. – Рояль! Поставьте его в гостиную, у окна!

Анина быстро согласовала действия переносчиков неповоротливого музыкального инструмента и еще быстрее усадила Тон за нотную тетрадь. В светлой гостиной, плавно переходящей в изящное патио, разлилась тихая и спокойная музыка.

Эфья в эту музыку не вписывалась – ее угловатость и худоба, да еще и темное платье в светлой комнате, подчеркивали общее состояние принцессы.

– Я смотрю, моя сладкая, ты не хочешь замуж? – поприветствовала дочь Анина.

– Не очень, если честно. И я хотела тебя спросить кое о чем.

– Спрашивай, у меня как раз нет времени на глупые разговоры.

– Мне нужно знать – у меня был выбор? Или ты решила, что ради Иззена меня можно продать? – прямо спросила Эфья.

— Выбор есть всегда, — серьезно ответила госпожа Инн. — Иногда он довольно категоричен, но он в любом случае есть, поэтому я думаю, что еще есть путь назад.

— Какой путь назад? Какой, Пыль его заberi, путь назад? *Поводырь ушел один.*

— Тогда чем ты недовольна?

— Тем, что последние три дня я чувствую себя вещью! — Эфья схватила со стоявшей неподалеку тумбочки фарфоровую пепельницу. — Вот, например! Ничем не лучше. Хочешь, передвинь сюда, а хочешь — разбей ее, будь она неладна! — с этими словами Эфья со всей силы метнула незамысловатое изделие в стену, от чего оно разбилось на множество мелких кусочков.

— Ты чувствуешь себя так, как на твоём месте чувствовала бы себя любая другая пятнадцатилетняя девочка. Но ты не имеешь на это права. То есть я хочу сказать, что в сложившихся обстоятельствах у тебя есть определенные обязанности перед городом в силу твоего происхождения. Я уверена, что Тинар хороший мальчик, воспитанный и серьезный. Так что ты зря переживаешь.

Эфья схватила небольшую вазочку, судьба которой вскоре должна была повторить судьбу несчастной пепельницы, однако строгий материнский взгляд спас этот предмет интерьера от необоснованной агрессии.

— Хватит, Эфья. Я знаю, твой ураганный характер мешает тебе осознать, что и ты зависишь от обстоятельств и прекрасно знаешь, что поступила правильно, освободив себя от ненужной влюбленности.

— Просто ты наконец сумела показать мне, что я для тебя лишь...

– Ты для меня старшая дочь, которую я люблю всем сердцем. И желаю для тебя лучшей судьбы. Думаешь, у меня был выбор? Я была обещана, едва родившись, а мужа, то есть твоего отца, узнала за год до свадьбы. И я была уверена, что не полюблю его, – Анина сделала паузу, чтобы вновь прикрикнуть на слуг, – но сложилось иначе. Теперь, когда я вижу в тебе его черты, мне хочется плакать от того, что его нет рядом.

– Но...

– Нет, нет, нет. Милая, у меня сегодня много дел, до вечера мы должны все подготовить к встрече. Мне, кстати, нужна твоя помощь. У тебя безупречный вкус, так подбери, пожалуйста, занавески по случаю и не забудь про ленты. Еще будет хорошо, если ты проведешь поваров – так, на всякий случай.

– Уверена, они уже и без меня все сожгли, – саркастично ответила Эфья и отправилась выбирать наиболее подходящие к случаю шторы.

«Да, этому Тинару, каков бы он ни был, будет непросто справиться с моей девочкой», – с беспокойством в сердце подумала наместница Иззена.

* * *

Эфья сидела на тенистом балконе и сквозь ладошки широких листьев садовых деревьев наблюдала красный закат над белым городом. Она почти дремала, притом внимала каждому звуку. Ожидание было нестерпимо долгим: подумать только, сидеть без дела целых десять минут!

Принцесса Инн порядком устала за сегодняшний день, но ее желание успеть абсолютно все за один-един-

ственный день давало ей чудовищно много сил. Поэтому от того бездействия, в которое она была погружена, ее клонило в сон.

Сначала она хотела занять другую выжидательную позицию, в беседке из джагернийских ив, прямо около входа. Тогда бы она первой увидела входящих, но проклятая морось, от которой узорчатая листва чужестранных деревьев не спасала, вынудила ее искать новое место.

Эфья хотела понравиться, и не потому, что таково было желание ее матери, — она хотела, чтобы ее будущий муж понял, как ему повезло и как много он приобретет помимо политического веса в браке с ней, принцессой Инн. Поэтому она надела свое любимое белое шелковое платье, едва достающее до колен, кокетливую шляпку с широкими полями, идущими волной, и темные очки. Правда, сквозь темные стекла почти ничего не было видно, но Эфья уже давно приспособилась смотреть поверх них и элегантно поправлять, когда собеседник находил взгляд ее светло-серых глаз.

В голове юной наследницы блуждали разные мысли. Она думала о будущем, о прошлом, о своем бывшем парне, о причинах, заставлявших правителей Тейна идти на такие чудовищные уступки Иззену. Она представляла себе Тинара Мотера и рисовала в своем воображении красивого мужчину в военной форме, а также его отца, великого хромого полководца, не проигравшего ни одного сражения. В ее сознании все так перемешалось от ожидания чего-то нового и прощания с чем-то привычным, что периодически она думала о том, что застрелит гостей еще на подходе к поместью.

Тоскливая скука. Эфья ждала вежливого стука в дверь. Такие аккуратные «тук-тук-тук» от кого-нибудь из слуг, и в ответ на ее вопрос «кто там?» непременно последует ответ «разрешите войти», а затем слуга представится по полной форме. Получив разрешение, он будет колебаться и нажмет на золоченую ручку не сразу, а нажав, еще на пару мгновений задержится на пороге. Затем он скажет: «Гости прибыли» – или как-то по-другому, возможно: «Гости уже ждут». Затем непременно добавит: «Извольте встретить?», на что Эфья уже заготовила ответ: «Возможно. Вернись и скажи, что я готовлюсь и скоро буду». После этого непременно Эфья возьмет свои легкие яблочные духи, добавляя к своему безупречному городскому образу невесомый садовый аромат, и будет томить гостей своим отсутствием. О том, чтобы заставить тейнинцев ждать, Эфья сначала даже не думала – это был совет ее матери. Когда опытная наставница объяснила, зачем это делается, девушка сдалась – матери было видней, и опыта в таких вещах у нее было куда больше. А затем... затем будет ужин, деловые переговоры, завтрак, деловые переговоры, обед, ну в общем, дальше понятно, что будет. А потом, через неделю, будет свадьба. Не пышная и не сочная – а быстрая и умело выведенная, как подпись под договором.

Вот они, аккуратные «Тук-тук-тук».

Глава 3

ВСТРЕЧА

Тинар проснулся в отличном настроении и потянулся на огромной кровати. Он наконец нормально отдохнул, выспался, но что самое главное, у него не было никаких сомнений в том, что уже сегодня его отец свернет все переговоры и уедет отсюда куда подальше, забрав с собой ту маленькую свиту, с которой они сюда явились.

Ужин был прекрасен. Овощи с пикантными соусами и прекрасное легкое вино. Все было устроено так, чтобы было удобно вести светскую беседу, которая, впрочем, шла не слишком охотно вначале и как-то особенно развязно в конце. Тинар подозревал, что все дело в вине, но оно больше напоминало сок, чем хоть сколько-нибудь алкогольный напиток.

Женщины удивляли. Они как будто в какой-то игре сидели напротив и просто закидывали оппонентов взглядами и улыбками. Наместница, которую звонко

звали Анина Инн, была, безусловно, красавицей и, не смотря на возраст и абсолютную глупость того, что вылетало из ее уст, очаровывала. Принцесса, Эфья, такой красотой не отличалась, но шарм у нее, безусловно, был. Она много молчала, а когда говорила, старалась быть похожей на мать, отчего выглядела довольно глупо. Отец Тинара вел себя странно – у него не было и следа присущей ему серьезности. Он весело пил вино, рассказывал военные истории и еще частенько тыкал Тинара в бок, чтобы тот не молчал.

Общее впечатление создавалось печальное: Тинар был уверен, что перед ним сидят две набитые дуры, не способные ни к каким политическим решениям. И переговоры с ними не должны были зайти дальше сегодняшнего завтрака, где будет иметь место диалог о политике. Как только отец Тинара затронет тему вооружения или, может быть, захочет поговорить об экономике, станет понятно, что женщины, сидящие перед ним, окажутся в тупике.

На следующий день Тинар недолго нежился на шелковых простынях, а поднявшись, быстро размялся. Здесь ему предоставили лучший костюм, который было возможно сшить. В светло-коричневых тонах, с бабочкой и очень красивой шляпой. Правда, пиджак Тинар надевать не стал, оставшись, таким образом, в элегантном жилете, белой рубашке и брюках. Чувствуя себя просто отлично, Тинар бодро отправился исследовать обстановку до того момента, когда его отец не решит сваливать отсюда. Вообще наследнику Тейна здесь нравилось – в отличие от каменного Тейна, Иззен дышал зеленью и прохладой и вообще казался несколь-

ко более оптимистичным городом, по крайней мере, на вид.

В тот момент, когда он уже вышел в главную комнату поместья и спускался по лестнице, закладывающей крутой вираж к центру комнаты, симметрично ему появилась Эфья. Она была одета по-мужски — к брюкам и рубашке добавлялась мужская кепка для стрельбы. В таком виде она понравилась Тинару еще меньше, чем за ужином. Секунду она помедлила, но затем решила не смущаться встречи с будущим мужем. Тинар, в свою очередь, галантно ждал ее внизу, поскольку ему было крайне интересно, куда могла направиться принцесса Инн, избалованная дурочка, в такую рань и в такой одежде и уж тем более, что находится в черном чемоданчике, который она взяла с собой.

— Доброе утро. Позвольте ли мне поинтересоваться, куда вы направляетесь?

Эфья зло посмотрела на него, и Тинар быстро понял, что в ответ ничего хорошего не услышит.

— Если ты будешь разговаривать, как столетний руководитель похоронных церемоний, то наш брак будет прерван твоей безвременной кончиной.

— Я просто...

— Ничего не «просто». Если моя матушка нашла мне муженька в твоём лице, а твой папенька решил, что я наиболее подходящая кандидатура тебе в жены, это совершенно не означает, что ты должен ходить за мной с идиотскими комплиментами, а я не собираюсь кокетливо смеяться над твоими брутальными историями. Так что будь добр, отойди и дай мне с утра нормально пострелять из этого проклятого Пылью револь-

вера, — с этими словами Эфья уверенно прошла к выходу.

— Не смей со мной так разговаривать, — бросил ей вслед юноша, надеясь поставить точку в разговоре.

— А то что? Не возьмешь меня замуж? — парировала его выпад Эфья, выскальзывая в приоткрытые двери.

«Что-то тут не так, — подумал Тинар. — Она ведет себя так, будто вчера за ужином я назвал ее уродиной, ну или просто очень хочет кого-нибудь пристрелить. В любом случае она явно не так проста, как я думал».

Молодой наследник взял иззенийскую газету, сел в плетеное кресло и занял себя не слишком увлекательным чтением. Однако вскоре он понял, что не зря сделал это. Газета пестрила счастливыми заголовками, но за каждой статьей стояла своя сила. Тинар словно почувствовал, как город, благополучный на вид, растаскивается на части влиятельными людьми, каждый из которых тянет одеяло в свою сторону. Если в Тейне проблемы были налицо, готовилась революция, и против этого видимого, но изворотливого врага велась жесткая война, то здесь, в Иззене, все скрыли реальное положение дел, заедая горькую похлебку приторными сладостями. Тинар с удивлением обнаружил в газете пометки под статьями с какими-то названиями, похоже, кто-то пытался определить, кто за какой из статей стоит. Для себя он на всякий случай записал в карманный блокнот эти названия: мало ли, для чего это могло пригодиться, особенно если ему придется здесь править.

За этим занятием он и не заметил, как к нему подошел слуга и вежливо пригласил на завтрак. Нужно отметить, у семейства Инн был вкус, и место для завтрака было